

М. Иозльсон.

Монополистический капитализм или „организованный“ капитализм.

I.

В основе оценки современного этапа развития мирового капитализма товарищем Бухариным лежит, безусловно, его теоретическая концепция об организации капитализма в рамках народного хозяйства отдельных капиталистических стран. Эта концепция, получившая свою завершённую форму в последних его известных статьях в «Правде», не является, однако новым, теоретическим открытием тов. Бухарина. Начиная с первых выступлений тов. Бухарина, через все его выступления по вопросам империализма красной нитью проходит теория об организации капитализма «внутри страны». Эта теоретическая концепция базируется на давнишнем специфическом понимании товарищем Бухариным эпохи империализма. Уже в первые годы войны тов. Бухарин совместно с рядом других товарищей расходился с Лениным в оценке империализма. Если Ленин никогда не противопоставлял монополистический капитализм, как эпоху лишающих капитализм его характерных определяющих черт эпохе домонополистической, то для тов. Бухарина и других империализм казался таким периодом, где эти характерные черты капитализма были целиком преодолены в развитии капитализма.

В одном из писем Н. И. Бухарина к Ленину, он высказывает удивление, каким образом Ленин может хоть в какой-либо степени сравнивать империалистическую эпоху с периодом свободного капитализма. «Как это, пишет тов. Бухарин, «для 20-го века» поучительны 60-е годы прошлого века. «Ведь это как раз корень наших разногласий (логических) с Каутским, что они «поучают» нас примерами доимпериалистической эпохи»¹). Если, с одной стороны, в тогдашней борьбе с Каутским как у Ленина, так и у Бухаринской группы было единое понимание абсурдности рассуждений о возможности возвращения к демократическому «свободному» капитализму, то Ленин не мог согласиться с оценкой тов. Бухарина империализма как «сплошного», достигшим такой высокой ступени развития, что в нём бесследно растворились все остатки промышленного капитализма. Отсюда у тов. Бухарина непосредственно вытекало отрицание необходимости сохранения программы-минимум, неправильные взгляды в вопросе о праве наций на самоопределение, и в вопросе об империалистическом государстве.

Характерно, что Ленин тогда уже ясно видел в чем состоят ошибки тов. Бухарина в вопросе характеристики империалистической эпохи. В письме к тов. Коллонтай, касаясь британской рабочей социалистической партии, Ленин пишет: «Кажись Socialist Labour выкидывает всю программу-минимум. Вот соблазн и опасность для Бухарина, который на «этом самом месте» спотыкался у нас с 1915 года»²).

¹) Институт Ленина, «Письмо Н. И. Бухарина В. И. Ленину из Стокгольма», ноябрь 1915 года.

²) Письмо к Коллонтай от 17/II 1917 г. «II Ленинский сборн.», стр. 282.

Уже тогда основным в оценке тов. Бухариным империалистической эпохи являлось положение об отмирании конкуренции в отдельных странах в эпоху монополистического капитализма. В статье «К теории империалистического государства», относящейся к 1915 году и предназначенной для сборника «Соц.-демократ», но не принятой редакцией, мы имеем первые наброски бухаринской теории. (Статья, как известно была опубликована в СССР в 1925 году в сборнике «Революция права»). «Отдельный капиталист», писал тов. Бухарин, «исчезает, он превращается в Verband kapitalisten, члена организации, он уже не конкурирует со своими «земляками», он кооперируется с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает»³).

В той же статье мы имеем уже и отчетливую характеристику бухаринской концепции империалистического государства, которое «обнаруживает тенденцию овладеть всей производственной сферой и всей сферой товарного обращения» и в котором рыночные цены назначаются государством, рабочим же дается паек, необходимый для поддержания рабочей силы» и т.д.⁴). Однако в этой статье т. Бухарин пока еще говорит лишь о «тенденции», о «недалеком будущем», но уже в статьях 1917 года—в период дискуссии по вопросам программы теория «организованного» капитализма выявляется им в весьма развернутом виде. Уже в первом номере, начавшего выходить в мае 1917 года московского журнала «Спартак», в статье «Война и революционный социализм», тов. Бухарин следующим образом формулирует свои взгляды на империалистическую эпоху: «В нашу эпоху конкуренция между капиталистами значительно изменила свой вид. Для передовых капиталистических стран она всецело перенеслась в область внешней конкуренции, т.е. конкуренция с иностранными капиталистами на мировом рынке»⁵).

Если, таким образом, конкуренция «всецело перенеслась», в область внешнего рынка, то внутри страны она, следовательно, должна была радикально видоизменить свой характер. Действительно, в одной из последующих статей в «Спартаке», тов. Бухарин, рисуя развитие народного хозяйства в эпоху монополистического капитализма, пишет: «экономическое достоинство каждой страны превращается все более и более в коллективную (общую) собственность немногочисленного класса крупных капиталистов. Прежний, раздробленный и неорганизованный капитализм заменяется капитализмом организованным»⁶). Можно, таким образом, отметить, что еще задолго до новейшей социал-демократической теории организованного капитализма, этот термин был введен в применении к эпохе монополистического капитализма товарищем Бухариным.

Тезис об организованном капитализме был еще более ярко формулирован в статье «К пересмотру партийной программы». «В области внутренних отношений капиталистического хозяйства,—указывал тов. Бухарин,—место неорганизованных предприятий и «свободной конкуренции» занял организованный монополистический капитализм»⁷).

В чем выражалась эта пресловутая «организованность» капитализма? На этот вопрос тов. Бухарин очень подробно отвечает в статье «Крушение капитализма»⁸). «Не только, почти, вымерла свободная конкуренция (этот процесс зашел далеко еще до войны, благодаря картеллированию и трестиза-

³) «Революция права», сборн., изд. Коммакадемии, стр. 17.

⁴) Там же, стр. 25.

⁵) «Спартак», орган Московского областного бюро и московск. комитета РСДРП(б), №1 от 20/IV 1917 года.

⁶) «Спартак» № 2, статья «Государственный капитализм и социалистическая революция» (разрядка наша. М. И.).

⁷) «Спартак», № 4.

⁸) «Спартак», № 10 (разрядка наша. М. И.).

ции промышленности, образованию картелированных предприятий и проникновению банковского капитала в промышленность), пишет тов. Бухарин, «но и образовалась сильная тенденция к урегулированию производства путем его государственления».

«Организованный» капитализм уничтожает специфические черты капиталистической системы, это есть уже капитализм *sui generis*. «Уничтожает ли этот новый тип капиталистических отношений противоречия капиталистического общества, уничтожает ли он прежде всего анархию современного способа производства?» спрашивает тов. Бухарин, и отчетливо отвечает: «Если ограничиваться только рамками государственной организации, т. е. рамками капиталистического общества, то можно отвечать на этот вопрос в утвердительном смысле».

Следовательно, уже в 1917 году у тов. Бухарина была своя особая цельная концепция империализма. Он и тогда переоценивал организационные способности капитализма, и вместе с тем переоценивал последствия, которые оказывает монополистический капитализм на структуру капиталистических стран. В своем выступлении на VI съезде партии тов. Бухарин следующим образом характеризовал социальные отношения, создаваемые империализмом: «Промежуточный слой и мелкий производитель исчезают. За первый год войны мелкая буржуазия вымерла на 40%. Все средства производства концентрируются в руках капиталистического государства. Нарастает государственный капитализм, последняя мыслящая форма капитализма»¹⁾

Исходя из всей своей концепции империалистической эпохи, тов. Бухарин не мог, конечно, согласиться с политикой партии в эпоху Брест-Литовска, политикой, которая строилась на основе реальной обстановки как в Советской России, так и в капиталистических странах. В этот период на страницах органа «левых» коммунистов «Коммунист», т. Бухарин продолжал развивать свои прежние взгляды. Так, например, в одной из статей, он снова указывал, что в эпоху государственного капитализма имеет место «государственное регулирование производства, уничтожение производственной анархии, уничтожение вольного рынка, учет и контроль со стороны государственных органов...»²⁾. И если затем, тов. Бухарин должен был признать свои «левые» ошибки в этот период, то в отношении своих теоретических взглядов он остался на своей прежней позиции.

Позтому выступая на VIII съезде партии по вопросу о программе т. Бухарин предлагал «вычеркнуть из программы все то, что говорилось о старом капитализме»³⁾.

Переоценивая организованность финансового капитала, отрицая, что монополистический капитализм непосредственно связан со старым капитализмом, тов. Бухарин, конечно, не мог согласиться с тов. Лениным, что «финансовый капитализм есть какая-то надстройка над капиталистическим обществом, что свободная конкуренция является реальной сутью дела, а над ней какая-то финансово-капиталистическая скорлупа»⁴⁾. Поэтому, он подчеркивал в своем заключительном слове: «Разве скорлупа или надстройка может быть коренным или основным, ясно, что это — два понятия, исключаящие друг друга»⁵⁾.

¹⁾ Стенограф. отчет VI съезда РСДРП(б), изд. «Коммунист», 1919 г., стр. 92. (Разрядка наша. М. И.)

²⁾ «Коммунист», 16/X—1918 г.

³⁾ Формулировка тов. Ленина в его речи на VIII съезде партии. Собран. соч. (первое изд., т. XVI, стр. 112).

⁴⁾ Заключительное слово тов. Бухарина по вопросу о программе партии. Стеног. отч. VIII съезда РКП(б). Изд. Коммунист. Москва, 1919 г., стр. 93.

⁵⁾ Там же. (Разрядка наша. М. И.)

Ленин подверг сокрушающей критике всю теоретическую концепцию Бухарина, и съезд, как известно, не согласился с бухаринской точкой зрения. В период окончания гражданской войны, в период перехода к мирному хозяйственному строительству, тов. Бухарин сделал попытку теоретизации «экономики переходного периода». Мы не входим здесь в обсуждение его теоретической концепции переходного периода. Но она в известной степени базировалась на разобранном нами выше понимании т. Бухариным империалистической эпохи, как эпохи «сплошного» «чистого» империализма. Именно поэтому переходный период рисовался тов. Бухарину в весьма упрощенном и своеобразном виде. Между тем еще Ленин указывал, что «Если перед нами был бы цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе»¹⁾. И, конечно, вся политика партии, политика нэпа и являлась принципиально другой политикой «переходного периода», чем та, которую наметил тов. Бухарин в «экономике переходного периода». Вполне понятно, что для того, чтобы обосновать свою концепцию переходного периода, необходимо было еще раз изложить свою теорию империализма. В первых главах «Экономики переходного периода», мы и находим четкое изложение взглядов тов. Бухарина на современную эпоху, взглядов, повторяющих в основном всю его старую концепцию организованного капитализма. «Финансовый капитал, писал т. Бухарин, уничтожил анархию производства внутри капиталистических стран. Монополистические союзы предпринимателей, комбинированные предприятия и проникновение банковского капитала в промышленность создали новый тип производственных отношений, превратив неорганизованную товарнокапиталистическую систему в финансово-капиталистическую организацию»²⁾. И дальше тов. Бухарин описывает созданную им самим картину современного капитализма, лишенную всех тех черт в действительности, присущих капиталистическому строю. Достаточно привести несколько известных цитат, чтобы показать, что описываемый товарищем Бухариным капитализм имел мало общего с действительным положением вещей. «Капиталистическое народное хозяйство, писал тов. Бухарин, — превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из безсубъектного хозяйства в хозяйствующий субъект»³⁾ и дальше: «меновая связь, выражающая общественное разделение труда и разрыв общественно-производственной организации на самостоятельные капиталистические «предприятия», заменяется техническим разделением труда внутри организованного «народного хозяйства»⁴⁾.

Наконец, «пределом данной тенденции, является превращение всего «народного хозяйства» в абсолютно сплоченный «комбинированный трест», где все отдельные «предприятия» перестали быть предприятиями, а превратились лишь в отдельные мастерские, в отделения этого треста, где, следовательно, общественное разделение труда превратилось в его техническое разделение, и где все хозяйство стало абсолютно единым предприятием соответствующей группы мировой буржуазии. Общин организационным принципом этой формы капитализма, было

¹⁾ Ленин, собран. соч. (первое изд.), т. XVI, стр. 115. (Разрядка наша. И. М.)

²⁾ Н. Бухарин, «Экономика переходного периода». Москва, 1920 г., стр. 10. (Разрядка всюду тов. Бухарина).

³⁾ Там же, стр. 14.

⁴⁾ Там же, стр. 11.

соподчинение всех экономических организаций (и не только экономических) буржуазии ее государству¹⁾.

В свете всего предыдущего изложения становится вполне понятным последнее выступление тов. Бухарина по вопросам организованного капитализма. В период 1915—1920 гг., говоря о военном государственном капитализме, тов. Бухарин считал, что налицо имеется только тенденция, которая не получит своего окончательного развития в виду грядущего краха всей капиталистической системы в самом ближайшем будущем. Уже в упомянутой выше статье «К теории империалистического государства», тов. Бухарин, дав вышеприведенную характеристику организованного капитализма, писал, — что это только лишь тенденция, — «недалекое будущее, если только не произойдет социальной катастрофы раньше, чем сложится чистый тип, нарисованных выше экономических отношений²⁾. И в другом месте тов. Бухарин указывал, что если не произойдет социальной катастрофы, есть «много шансов», что «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего развития и притом в высшей более централизованной форме, чем до сих пор»³⁾.

Теперь, «третий период» развития послевоенного капитализма, в котором правые и примиренцы видят лишь успехи капиталистического хозяйства, рост технических достижений, вполне понятно, что тов. Бухарин на этот капитализм переносит все те черты, которые он считал характерным для государственного капитализма эпохи 1915—1920 гг. Не даром в его статьях в «Правде», он говорит о том, что мировой капитализм переживает теперь второй тур развития тенденций государственного капитализма, что «теперешний государственный капитализм растет на новом базисе⁴⁾. Теперь государственный капитализм, по мнению товарища Бухарина, является более высокой формой, ибо если раньше это был государственный капитализм «осажденной капиталистической крепости», (военно-государственный капитализм), то теперь этот государственный капитализм «растет как «нормальная» капиталистическая система»⁵⁾. Поэтому и все черты государственного капитализма получают теперь еще более четкий, более развернутый характер. «Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации»⁶⁾.

И дальше, т. Бухарин указывает, «организационная проблема, проблема наилучшей при данных условиях «оптимальной» организации и при том в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства, все больше и больше становится на первый план... Поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о «национальных» капиталистических организациях, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса... Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации»⁷⁾.

Так же, как и раньше тов. Бухарин считает, что теперешний этап развития государственного капитализма «означает замирание конкуренции

внутри капиталистической страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами»¹⁾.

Таким образом, «рецидив» бухаринской теории организованного капитализма является логическим следствием всей его старой концепции империалистической эпохи. Если в первый период его теоретические положения вели к «левым» ошибкам, то теперь они ведут к правым ошибкам и фактически сближаются с новейшими социал-демократическими теориями организованного капитализма, новейшими откровениями мировой социал-демократии. Но в этом и состоит диалектика всех ошибок и уклонов от партийной линии. Независимо от того, являются ли они правыми или «левыми», они вытекают всегда не из марксистских, не из ленинских, а из мелкобуржуазных теоретических предпосылок.

II.

Прежде чем перейти к критическому разбору вышеизложенной бухаринской теории организованного капитализма, необходимо хотя бы бегло рассмотреть социал-демократические теории современного этапа развития капитализма, для того, чтобы показать, те ясные нити, которые вольно или невольно тянутся от бухаринской концепции к теории социал-демократии. Не представляется возможным точно установить дату возникновения социал-демократических теорий организованного капитализма. Нужно сказать, что уже первые буржуазные исследователи новейших концентрационных процессов в народном хозяйстве высказывали гипотезу о возможности уничтожения свойственной капитализму анархии производства, благодаря картелям и трестам. Так, один из первых исследователей картелей Клайнхектер писал: «Мыслимо слияние картелей и различных предприятий в единое гигантское предприятие. Благодаря этому будет создано регулирование общего производства в зависимости от общего спроса и будут устранены таким путем кризисы перепроизводства и задержки сбыта»²⁾.

Задолго до войны у всех оппортунистов и ревизионистов, начиная с Бернштейна, проскальзывали тенденции переоценивать организационные способности капитализма и выставлять положение о возможности планового хозяйства при капиталистическом строе. Однако, в своем современном виде, социал-демократическая теория организованного капитализма появляется только начиная с 1923—24 года. Это вполне понятно. Непосредственный послевоенный период развития капитализма был даже в оценке буржуазных и социал-демократических теоретиков периодом «развала капитализма». После же поражения пролетариата в Германии в конце 1923 года, капитализм начал несколько выкарабкиваться из трясины полного развала. И социал-демократы не преминули эти первые попытки капитализма к восстановлению своего прежнего положения объявить совершенно новым этапом развития капитализма. Именно с тех пор они не перестают петь дифирамбы «организационным» способностям послевоенного капитализма.

Уже в одной из популярных социал-демократических работ, изданных в 1923 году, указывалось, что современное «капиталистическое хозяйство, не ограничиваясь акционерными обществами, дает начало социалистической форме: государственному капитализму, который с одинаковым правом можно назвать государственным социализмом»³⁾.

Но, как известно, наиболее четкую формулу организованного капитализма дал Гильфердинг в первом номере, начавшего выходить в 1924 г. журнала «Гезельшафт». В этой хорошо известной статье — «Проблемы нашего

¹⁾ Там же, стр. 30.

²⁾ «Революция права», цитир. изд., стр. 25.

³⁾ «Экономика переходного периода», стр. 40. (Разрядка наша. М. И.

⁴⁾ Н. Бухарин, «Теория организованной бесхозяйственности». «Правда», от 30/VI 1929 г.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Н. Бухарин, «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии». «Правда», 26/V 1929 г.

⁷⁾ Там же.

¹⁾ Там же.

²⁾ Kleinwächler, «Die Kartelle», 1883, стр. 46.

³⁾ «Die Theorie des modernen Socialismus», V. Rudolf Abraham, 1923, стр. 117.

времени», — Гильфердинг указывал, что новейшие процессы концентрации начинают «переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному»¹⁾. Однако тогда еще Гильфердинг был сравнительно осторожен. Положение капитализма было еще не таково, чтобы даже социал-демократу представлять его в слишком радужном свете. Гильфердинг указывал далее, «что растущий сознательный порядок и руководство в хозяйстве стремится преодолеть на капиталистической основе анархии, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме»²⁾.

Здесь, таким образом, вопрос идет еще о тенденциях, о возможности создания организованного капитализма. Однако, в дальнейшем, Гильфердинг выступает уже с открытым провозглашением новой фазы в развитии капитализма. В своем выступлении на конференции Союза социальной политики в Вене в 1926 году, Гильфердинг уже солидаризируется со взглядами яркого апологета капитализма проф. Гармса, который отрицал высказываемые тогда некоторыми буржуазными учеными опасения о «закате капитализма», и подчеркивал, что капитализм переживает начало своего возрождения. Гильфердинг тогда уже указывал что «в настоящее время капитализм создает организованное хозяйство, в котором большие концерны охватывают целые промышленные отрасли, переходят границы отдельных народных хозяйств и руководят производством»³⁾. По мнению Гильфердинга, эта новая фаза капитализма «облегчает» переход к социализму. «Перед нами стоит проблема — говорил Гильфердинг — как это уже без того организованное хозяйство перевести из его иерархической формы в другую, демократическую форму. Для этой задачи мы должны иметь цветущий, а не обедневший декадентский капитализм, так как для наследников очень приятно, когда его наследователь возможно богаче»⁴⁾.

Тут уже довольно ясно выступает характер и цель новой социал-демократической концепции. Социал-демократам необходимо доказать принципиально новый характер современного капитализма для того, чтобы построить теорию вставания капитализма в социализм. В также хорошо известном выступлении Гильфердинга на С'езде германской социал-демократической партии в Киле, в 1927 г. эта концепция была выражена достаточно четко: «организованный капитализм, говорит Гильфердинг, означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства»⁵⁾. За последние годы теория организованного капитализма становится неотъемлемой частью всех социал-демократических программ и резолюций социал-демократических с'ездов, с'ездов реформистских профсоюзов и II Интернационала. Так, на с'езде германских профсоюзов осенью 1928 года докладчик по вопросу международного экономического положения подчеркивал: «важнейшим явлением последних десятилетий, а особенно последних лет, является изменение капитализма от хозяйства свободной конкуренции к хозяйству монополистической организации»⁶⁾. Можно было бы привести бесчисленное множе-

ство цитат из статей и речей современных реформистов и в этом отношении нет никакой принципиальной разницы между «правыми» и «левыми» социал-демократами. Те и другие защищают положение, что капитализм находится не в периоде заката, а что наоборот, он переживает новый подъем, переживает новую, высшую форму организованного капитализма. Эта мысль выразил в свое время небезызвестный русский меньшевик Биншток, который в настоящее время является одним из «авторитетов» германской социал-демократии по вопросам мирового хозяйства. «Мир», писал Биншток, «находится не в конце, но в середине, а может быть и в начале могущего еще следующего процесса индустриализации. Прежде всего это относится к таким колоссальным хозяйственным областям, как Россия, (!!!), Китай и Индия, население которых вместе составляет почти половину человечества»⁷⁾.

Наконец, «авторитетнейшее» разъяснение по вопросу о современном положении капитализма дал в своей резолюции последний Брюссельский конгресс II Интернационала: «Послевоенное десятилетие», — читаем мы в одной из резолюций, — «характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется организованным капитализмом»⁸⁾. Сказанного достаточно, чтобы уяснить теоретическую концепцию современной социал-демократии. В ее основу положена мысль, что современная стадия развития монополий привела к тому, что капитализм из его анархической, бесплановой структуры перешел в новую фазу, фазу организованного капитализма с плановым регулированием, с уничтожением конкуренции и связанной с ней анархией производства. Вместе с тем, этот этап развития капитализма характеризует усилением госкапиталистических тенденций. Сравнивая эту характеристику современного этапа капитализма, мы видим удивительное внешнее совпадение ее с характеристикой новейшей фазы капитализма, даваемой тов. Бухариным. И в том и в другом случае в основу характеристики новейшей фазы капитализма кладется уничтожение конкуренции, преодоление анархии, замена неорганизованного капитализма организованным.

Правда, для социал-демократии теория организованного капитализма нужна, как своего рода подсобная концепция для двух других теорий, являющихся краеугольными теориями современного оппортунизма. Это: теория «хозяйственной демократии» и теория мирной фазы развития мирового капитализма, она же теория ультра-империализма. Мы уже указывали, что Гильфердинг из своей теории организованного капитализма делал вывод о возможности мирного вставания современного капитализма в социализм, поскольку организованный капитализм означает «принципиальную замену капиталистического принципа... социалистическим». «Хозяйственная демократия» именно должна явиться магическим средством для безболезненного перехода капитализма в социализм. Одним из творцов теории хозяйственной демократии является сотрудник буржуазной «Франкфуртер Цейтунг» Фритц Нафтали, который выпустил специальную работу о хозяйственной демократии. Наиболее интересно его определение демократизации хозяйства, которое он характеризует как «отстранение всякого господства и передачу руководящих органов хозяйства из органов капиталистических интересов в органы всего общества»⁹⁾. И вот, вопреки самым ясным фактам, вопреки будущей глаза действительности, реформисты считают, что развитие современного капитализма ведет как раз к этой «демократизации» хозяйства. В резолюции

¹⁾ Probleme der Zeit. Die Gesellschaft, 1924, № 1.

²⁾ Там же.

³⁾ Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik in Wien, 1926. 172 Band. Leipzig стр. 112.

⁴⁾ Там же, стр. 115.

⁵⁾ Protokolle d. socialdemokratischen Parteitag. 1927, in Kiel, Berlin, 1927, стр. 178.

⁶⁾ Protokolle der Verhandlung des 13 Kongress der Gewerkschaften Deutschlands, Hamburg, 3—7 Sept., 1928 г., стр. 175.

⁷⁾ G. Binstock Einleitung in die Weltwirtschaft., Berlin, 1927, стр. 161.

⁸⁾ Protokolle des Dritten Kongress der Socialistischen Internationale. Brussel, 1928, IX—20 Zweiter Band.

⁹⁾ Fr. Naftaly. Wirtschaftsdemokratie. Berlin, 1928, стр. 21.

Гамбургского конгресса германских профсоюзов мы читаем следующие великолепные положения: «Современное развитие ясно ведет от единичного капиталистического предприятия к организованному монополистическому капитализму... В ногу со все более ясно видимыми структурными изменениями капитализма идет демократизация хозяйства... Демократизация хозяйства ведет к социализму»¹⁾. Здесь, перед нами весьма краткая, но в то же время весьма красочная картина «врастания в социализм». Под влиянием, каких обстоятельств, однако, происходит, по мнению социал-демократов эта «демократизация» современного капитализма. На этот вопрос дал уже несколько лет тому назад ответ Гильфердинг, подчеркивавший огромное значение государства в деле регулирования хозяйственной жизни капитализма. «Мы имеем», писал Гильфердинг, «организованное хозяйство, которое в растущей мере подвергается сознательному организованному воздействию со стороны общества, со стороны государства...»²⁾.

Государство же, по новейшей концепции социал-демократии, может быть благодаря демократии подчинено воле широких масс населения и проводить политику в интересах последних. Гильфердинг следующим образом, на съезде в Киле формулировал задачи социал-демократии: «нашему поколению поставлена задача преобразовать с помощью государства, с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое капиталистами хозяйство в хозяйство, руководимое демократическим государством. Отсюда следует, что проблема, поставленная нашему поколению, не может быть ни чем иным, как социализмом»³⁾. Получается, таким образом, весьма стройная теория, которая может быть кратко формулирована следующим образом: послевоенная конкретация привела к организованному капитализму и сращиванию последнего с государством. Современное государство есть государство демократическое, выполняющее волю широких масс трудящихся. Последние могут, таким образом, пользуясь своим влиянием на государство преобразовать мирным путем «капиталистически организованное хозяйство» в «социалистически организованное».

Вместе с тем, по мнению современных реформистов хозяйственная демократия проявляется и в том, что рабочие приобретают все большее влияние, через фабзавкомы, благодаря рабочему законодательству, благодаря вмешательству профсоюзов и т. д. на капиталистические предприятия, осуществляя своего рода совместное участие с предпринимателями в области совместного руководства капиталистическим предприятием. Следовательно, как бы с двух сторон происходит процесс «демократизации» хозяйства, процесс постепенного врастания в социализм. С одной стороны, «демократическое государство» все сильнее подчиняет себе капиталистические предприятия, с другой — непосредственно снизу рабочие все больше контролируют в своих интересах деятельность капиталистических предприятий. Мы не будем останавливаться на опровержении этих новейших откровений социал-демократии. Они подвергались у нас уже достаточной критике, которая доказала полную несостоятельность всей этой теории. Никто иной, как Каутский, когда он был еще марксистом, издевался над теориями видящими в росте монополистических организаций постепенное врастание в социализм.

«То что «реформистам» кажется мирным врастанием в социализм, есть лишь рост силы обоих противоположных классов, которые стоят друг против друга в непримиримой борьбе... Врастание в социализм есть только другое

выражение постоянного обострения классовых противоречий, врастание в эпоху великих и решительных классовых битв, которые мы называем социальной революцией»⁴⁾. Хорошо писал Каутский 20 лет тому назад!

Тов. Бухарин из своей теории организованного капитализма, не делает вывода о возможности примирения классовых противоречий. Однако, известно, что в свое время правые в Коминтерне (Брандлер, Тальгеймер и др.), исходя из неправильной оценки стабилизации, преувеличивая успехи последней и не понимая наступательного характера теперешних революционных боев пролетариата, выступали с лозунгом «рабочего контроля». По сути говоря, лозунг рабочего контроля сводится к той же идее, что и «хозяйственная демократия». В основе той и другой лежит совершенно неверное представление о возможности для рабочих оказывать какое-либо влияние на управление предприятием в условиях капиталистического строя. Всем, известно, что Ленин категорически подчеркивал, что рабочий контроль возможен лишь в условиях диктатуры пролетариата.

Участие рабочих в контроле над промышленными предприятиями в условиях капиталистического строя «есть лучший способ надушения рабочих буржуазией, лучший способ утонченного подкупа в политическом смысле»⁵⁾. И далее, Ленин подчеркивал: «когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней, то мы раз'ясним этим о каком государстве идет речь»⁶⁾.

Таким образом, одна и та же ошибочная переоценка «организованности» капитализма, переоценка возможностей государственного вмешательства при капитализме, ведет к неправильным политическим выводам и в отношении определения задач рабочего класса.

Как мы уже указывали, социал-демократы на основе своей теории организованного капитализма, строят утверждение о наступлении мирной фазы в развитии мирового капитализма. Эта теория ни что иное, как законченный вариант знаменитой теории ультра-империализма Каутского. Как известно, Каутский выступил с этой теорией уже в начале войны. Он указывал тогда на возможность того, что «теперешняя империалистическая политика может быть вытеснена новой ультра-империалистической, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок»⁷⁾.

Через несколько лет Каутский писал по этому вопросу уже с гораздо большей определенностью. «Ни в коем случае, указывал он, не исключена возможность, что теперешняя война уже кончится тем, что империалисты руководящих великих держав обоих лагерей сговорятся о совместном разделе и эксплуатации мира»⁸⁾.

Свое утверждение о возможности наступления новой эры в развитии империализма Каутский обосновывал в значительной мере «усиливающимся международным переплетением различных кланов финансового капитала». Теперь теоретики организованного капитала выступают с той же теорией, которая, однако, получила уже большую оформленность и законченность. Если, по мнению социал-демократов, внутри капиталистических стран организованность капитализма достигла уже весьма высокой стадии развития, то эта организованность начинает перерастать национальные границы капиталистических стран. Выступая на последнем Брюссельском конгрессе II Интерна-

¹⁾ Карл Каутский, «Путь к власти», Гиз, 1923 год, стр. 28—29. (разрядка наша. М. И.).

²⁾ Ленин, Собран. соч., издан 1-ое, т. XIV, ч. II, стр. 230.

³⁾ Там же.

⁴⁾ «Neue Zeit» от 30-го апреля 1915 г., № 5, стр. 144.

⁵⁾ «Neue Zeit» от 16 февраля 1917 г., № 20, стр. 473.

¹⁾ Protokolle etc., стр. 21.

²⁾ G. Hilferding, Probleme der Zeit. (разрядка наша. М. И.).

³⁾ Protokolle etc. (разрядка наша. М. И.).

ционала, теперешний председатель американской социалистической партии Хиллвит указывал: «гигантский рост трестов и монополий начинает разбивать национальные рамки и создает интернациональные экономические силы первостепенной важности»¹⁾.

Еще более определенно об этом пишет Нафтали: «От развития картелей, синдикатов и трестов в отдельных странах ведет прямой путь к международному переплетению предпринимательских организаций и гигантских предприятий»²⁾.

Гильфердинг придает международному переплетению капитала такое значение, что считает его одним из основных элементов организованного капитализма. И так же как в свое время Каутский, теперешние вожди социал-демократии считают, что это международное переплетение капитала, «организация» капитализма в мировом масштабе неизбежно ведет к устранению опасности войн, к уменьшению конкуренции между империалистическими государствами. В одной из своих статей, озаглавленной «Реалистический пацифизм» Гильфердинг прямо подчеркивает: «ложно утверждение, будто сама капиталистическая конкуренция должна вести к противоречиям между государствами»³⁾.

Наконец, сам родоначальник теории ультра-империализма Каутский недавно снова выступил с утверждением о наступлении новой мирной эпохи империализма. «Мы, как раз вступили в период международной организации финансового капитала, в период международных картелей и трестов, и они оказывают влияние на внешнюю политику великих держав... Финансовые капиталисты знают теперь другие, менее дорогие и менее опасные, методы для реализации своих стремлений, чем войны между великими державами»⁴⁾.

Все сказанное показывает, что новейшая теория социал-демократии сводится к тому, что наступил новый период организованного капитализма, исключающий неизбежность войн между империалистическими странами и являющийся фазой мирного развития империализма. И также, как внутри страны, по мнению реформистов, организованный капитализм все больше подвергается контролю со стороны демократии, так и в мировом масштабе возможно создание демократического контроля над международными капиталистическими организациями, для каковой цели возможно приспособить Лигу Наций.

На первый взгляд имеется явное различие между концепцией организованного капитализма тов. Бухарина, теорией организованного капитализма в отдельной стране, и социал-демократическими теориями организованного капитализма, охватывающего весь мир и незнающего ни внутренних, ни внешних противоречий.

Однако, если встать на точку зрения тов. Бухарина, то этим чрезвычайно ослабляется возможность критики социал-демократических теорий «организованного» капитализма в мировом масштабе. Ведь что означает бухаринская концепция? Она означает, что на мировом рынке сталкиваются крайне немногочисленные, могущественные государственно-монополистические тресты⁵⁾. Немногочисленность числа участников международной конкурентной борьбы является одной из предпосылок для того, чтобы между этими конкурентами было достигнуто соглашение.

¹⁾ Protokolle, zweiter Band, VI, 27.

²⁾ Fr. Naftaly, Wirtschaftsdemokratie, 1928, стр. 22.

³⁾ Die Gesellschaft, 1924.

⁴⁾ Karl Kautsky, Wehrfrage und Sozialdemokratie, 1928, стр. 17.

⁵⁾ Например в одной из последних работ «Империализм и накопление капитала» тов. Бухарин подчеркивает, что на мировом рынке «субъектами концентрации являются уже не отдельные предприниматели и не отдельные тресты, а консолидированные государственно-капиталистические тресты, т.е. организованные буржуазией, народно-хозяйственные тела. (Цит. соч., стр. 128).

Ведь уже элементарная теория концентрации учит, что чем меньше число капиталистических предприятий, тем больше шансов, что между ними будет достигнуто соглашение. Действительно, на практике международные соглашения чаще всего создаются тогда, когда имеется налицо прочное национальное объединение. Так электрическая промышленность, на международную переплетенность которой указывал еще Ленин, издавна организована была могущественными национальными трестами и это повело к созданию в этой отрасли прочных международных картелей и трестов. Наоборот, в угольной промышленности, которая в важнейшей стране добычи — Англии находилась на чрезвычайно низкой ступени концентрации, никогда не удавалось организовать прочных международных соглашений. И обычно указывается, что причина неудачи организации международных угольных объединений лежит в наличии многочисленных мелких самостоятельных предприятий в Англии.

Это прекрасно понимают и социал-демократы, которые свою теорию международной организации капитализма выводят также из предпосылки высокой степени организованности капитализма в каждой отдельной стране. Так, упоминавшийся нами меньшевик Биншток, следующим образом излагает условия способствующие образованию «интеримпериалистических союзов». Новая структура капитализма сводится по его мнению «к регулированию производства и цен, к исключению конкуренции между отдельными капиталистами одной и той же страны и выступлению их во вне, как единое целое»¹⁾. Отсюда, подчеркивает Биншток, «создаются необходимые предпосылки для того, чтобы эти национальные, борющиеся друг с другом, капиталистические организации пришли к соглашению об экономической эксплуатации мира»²⁾. Отсюда только один шаг к тому, что «конкуренция на мировом рынке будет ограничена, будет происходить распределение рынков сбыта товаров, экспорт капитала будет производиться по взаимному соглашению, другими словами — капиталистическое мировое хозяйство организуется»³⁾.

Известную неувязку в своей теории чувствовал и сам тов. Бухарин, когда он впервые в развернутом виде создал свою концепцию. В одной из упомянутых выше статей, журнала «Спартак» в 1917 году, тов. Бухарин после того, как он изложил свою концепцию замирания конкуренции внутри страны, замечает: «как это ни странно, но организация внутри страны влечет за собой обострение анархической конкуренции между странами»⁴⁾.

В другом месте, тов. Бухарин сам должен был признать, что наличие государственно-капиталистических трестов создает тенденцию к соглашению между ними.

В этом отношении чрезвычайно характерна следующая цитата из «Экономики переходного периода»: «Нам следует упомянуть, указывает тов. Бухарин, говоря об основных тенденциях к организации капиталистической системы, также о синдикатах государственно-капиталистических трестов, о своеобразных синдикатах «второго порядка», которые своими составными частями имеют государственно-капиталистические тресты. Таковы государственные «коалиции», такова «Лига Наций». Предпосылки для этих организаций были созданы финансово-капиталистическими связями, общей суммой взаимного «участия»... Здесь тенденция к организации выступает за пределы от-

¹⁾ G. Binstock, Einleitung in die Weltwirtschaft, Berlin, 1927, стр. 152.

²⁾ Там же, стр. 152.

³⁾ Там же, стр. 153. (Разрядка наша. М. И.).

⁴⁾ Н. Бухарин, «Крушение капитализма, «Спартак», № 10, 1917 г., стр. 7. (Разрядка наша. М. И.).

дельного государства. Следовательно, в этих попытках капиталистического мира организовать процесс нашел свое высшее выражение»¹⁾.

Из таких же предпосылок, как мы видели выше социал-демократы выводят свою теорию ультра-империализма. Поэтому, если теория т. Бухарина говорит лишь об «организации» капитализма внутри отдельных стран, она, благодаря неправильному пониманию структуры современного капитализма, дает оружие в руки прямых защитников социал-демократической теории империализма и пробивает брешь в ленинской критике «ультра-империализма».

III.

Мы разобрали теорию тов. Бухарина о «замирании конкуренции внутри страны» и теорию «организованного» капитализма современной социал-демократии. И если наши правые не делают из своей теории таких широких оппортунистических выводов, то логическая порочность, лежащая в основе обеих теорий организованного капитализма, неизбежно ведет к одним и тем же ошибочным, по существу глубоко реформистским выводам. И, поскольку та другая теория базируется на концепции о том, что новейшая фаза развития капитализма ведет к уничтожению конкуренции, к уничтожению анархии производства, разоблачение ложности основы этой теории неизбежно должно повести к крушению всех надстроек («хозяйственная демократия», ультра-империализм и т. д.), возведенных над теорией организованного капитализма.

Мы указывали, что Ленин уже в самом начале войны выступал против бухаринской концепции «чистого» империализма. В период 1917—18 гг., как известно, Владимир Ильич с достаточной ясностью подчеркивал неправильность концепции, что монополистический капитализм уничтожает все остатки промышленного капитализма, уничтожает конкуренцию. Наоборот, Ленин настойчиво указывал, что «Соединение противоречащих друг другу начал конкуренции и монополии и существенно для империализма»²⁾.

В этой диалектической постановке проблемы монополистического капитализма Ленин целиком опирался на взгляды Энгельса и Маркса. «Монополия», писал Энгельс, «не может остановить поток конкуренции, мало того она сама порождает конкуренцию, в роде того, как запрещение ввоза или ввозные пошлины как раз порождают конкуренцию контрабанды»³⁾. Еще более четко эту же мысль выразил Маркс в полемике с Прудоном: «В практической жизни, поучает Маркс Прудона, мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не форма, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкурирующие становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнужданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу»⁴⁾.

Критика Лениным бухаринских теорий неоднократно уже излагалась в нашей печати, поэтому нет надобности подробно на ней останавливаться. Мы уже указывали, что Ленин всегда подчеркивал связь монополистической

эпохи с предыдущей эпохой промышленного капитализма. Представление о том, что при империализме совершенно уничтожаются все остатки до-монополистической эпохи, Лениным категорически опровергалось. «Империализм», писал Ленин, «является продолжением развития капитализма, его высшей стадией. На самом деле империализм не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, спутывает со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов, и т. д. империализм не может»⁵⁾.

Это определение попадает не в бровь, а в глаз всем тем, которые докзывают возможность устранения «организованным» капитализмом конкуренции, рыночных отношений и т. п.

Известно, что Ленин еще с большей определенностью выступил по вопросам конкуренции и монополии на VIII съезде партии при обсуждении партийной программы. Достаточно напомнить, что Ленин подчеркивал, что «никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать»⁶⁾. Это положение вытекало из того, что как подчеркивал Ленин, «Империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом»⁷⁾. Поэтому «чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»⁸⁾. Поэтому-то и Ленин отвергал проект программы, защищаемый тов. Бухариным. «Если написать программу», говорил Ленин, «так как хотел тов. Бухарин, эта программа будет неверна. Она будет пожалуй воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет»⁹⁾. В этом сочетании конкуренции и монополии Ленин видел основное противоречие империалистической эпохи, противоречие подготовляющее крах капитализма. Говоря о критике Каутским империализма, Ленин подчеркивал «что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой и т. д.»¹⁰⁾. И в другом месте Ленин указывал, что это противопоставление конкуренции и монополии «именно... подготовляет крах, т. е. социалистическую революцию»¹¹⁾.

Цитат из высказываний Ленина можно было бы привести еще без конца, но и вышеприведенные с исчерпывающей ясностью показывают, как Ленин относился к возможности создания капитализмом организованного хозяйства. Быто бы, конечно, в корне ошибочным сделать из всего сказанного выше вывод, что Ленин недооценивал роль монополии в современную эпоху капитализма. Ведь ни кто иной, как Ленин, подчеркивал, что настоящая эпоха характеризуется «сменой свободной конкуренции монополистическим капитализмом»¹²⁾. В пылу полемики отрицать то значение, которое Ленин придавал всевозможным формам монополистических союзов, это значило бы вместе с водой выплеснуть и ребенка. (Подобная ошибка случилась

¹⁾ Ленин, Материалы к пересмотру партийной программы. Собр. соч., 2-ое изд., т. XX, стр. 297 (разрядка наша. М. Н.).

²⁾ Ленин, Собр. соч., (1-ое изд.), т. XVI, стр. 114.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 112.

⁵⁾ Там же, стр. 113.

⁶⁾ Ленин, Собр. соч. (2-ое изд.), т. XV, стр. 297.

⁷⁾ Ленин, Собр. соч. (1-ое изд.), т. XIV, ч. I, стр. 121.

⁸⁾ Ленин, Собр. соч., (2-ое изд.), т. XIV, стр. 293. Материалы к пересмотру парт. программы.

¹⁾ Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 35—36 (разрядка наша. М. Н.).

²⁾ Ленин, Собр. соч., 2-ое изд., т. XV, стр. 297.

³⁾ Ф. Энгельс, «Очерки критики политической экономии». Собр. соч., т. II, стр. 308, 1929 г.

⁴⁾ Карл Маркс, «Нищета философии», Гиз, 1928 г., стр. 144.

у тов. Боролина в его статье еще в 1925 г. «Под Знаменем Марксизма» № 5—6 за 1925 г.). Ленин также подчеркивал значение исцелившихся госкапиталистических тенденций на последнем этапе развития империализма, «Империалистическая война», писал Ленин, «есть канун социалистической революции... Потому что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹). Однако, для Ленина монополистический капитализм, даже в его высшем выражении государственно-монополистического капитализма, никогда не переставал быть капитализмом со всеми свойственными последнему чертами анархии производства, бесплановости, рыночных отношений и т. д. Наоборот, чем на более высокую ступень поднимался капитализм, тем больше обострялись свойственные ему противоречия, которые должны неизбежно привести к взрыву капиталистической системы.

Отрицая возможность организованного капитализма, Ленин, конечно, не мог допустить возможности создания длительного соглашения между капиталистами в масштабе всего мирового хозяйства. Вот почему Ленин с особенной беспощадностью критиковал ультра-империалистические взгляды Каутского. Именно Ленин неоднократно подчеркивал, что «ультра-империалистические союзы в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистической коалиции против другой империалистической коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистических держав—являются неизбежно лишь «передышками» между войнами»²). Особенно Ленин подчеркивал несостоятельность тезиса о том, что финансовое переплетение капитала может привести к уничтожению противоречий между империалистическими державами. «Международно-переплетенный капитал,—писал Ленин—дает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их»³).

Если, таким образом, теории организованного капитализма, в их различных вариантах, в корне противоречат ленинской теории монополистического капитализма, то нужно еще подчеркнуть, что логически завершением теории организованного капитализма является возможность организации в условиях капитализма всеобщего картеля или всемирного треста. Именно, такую возможность рисовал еще Гильфердинг в «Финансовом капитале», когда подчеркивал наблюдающуюся тенденцию к постоянному распространению картелирования. «В результате этого процесса—писал Гильфердинг—должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картелями—магнатами, а с другой стороны,—между другими членами общества... вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги... это сознательно регулируемое общество в антагонистической форме, но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано и потому необходимость денег миновала»⁴). Нужно при этом, однако,

подчеркнуть, что Гильфердинг считал тогда, что всеобщий картель «был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привела бы к его крушению»¹). Теоретическую возможность создания организованного капиталистического общества в антагонистической форме допускал и т. Бухарин. Он писал что: «Можно себе представить «коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс объединен в единый трест и где следовательно перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов хозяйство»²). Справедливость требует отметить, что тов. Бухарин всюду подчеркивал, что в реальной действительности образование такого всеобщего треста было бы невозможно, поскольку «социально-политические причины не могли допустить даже образование такого всеохватывающего треста»³). Здесь, таким образом, против возможности организации капитализма на антагонистической основе выдвигаются социально-политические возражения. С экономической же стороны такая высшая форма организации капитализма вполне допускалась. Между тем, нужно указать, что приписывать капитализму возможность плановой организации хозяйства, это значит ставить на голову все учение Маркса о капитализме. Разве можно себе представить, исходя из теории Маркса, что изменяются условия производства и в то же время остаются неизменными антагонистические формы распределения. Ведь еще в «Введении к критике политической экономии» Маркс писал: «Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства,—не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения—форму, в которой каждый принимает участие в распределении»⁴). Вместе с тем, при исчезновении товарного характера производства должна исчезнуть так же рабочая сила, как товар и вместе с тем исчезнет капиталистическая форма присвоения прибавочной стоимости. Следовательно, уничтожение обмена, уничтожение проблемы наемной рабочей силы должно вести к уничтожению и капиталистической системы. Капитализм без анархии производства, не есть капитализм, ибо, как подчеркивал и Ленин «Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства»⁵).

Если, таким образом, абсолютно немарксистской является теория об экономической возможности создания всеобщего треста, единого организованного мирового капитализма, то ясно, что и та стадия организации капитализма, которую рисуют современные теоретики организованного капитализма и которая фактически в оценке современных социал-демократов приближается к единому плановому капиталистическому хозяйству, является надуманной, несуществующей действительности, противоречащей законам капиталистического развития. И, действительно, если мы посмотрим на фак-

¹) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 435.

²) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», изд. 3-е, Гиз, 1928 г., стр. 82. (Нужно, правда отметить, что еще задолго до Гильфердинга и Бухарина подобную возможность рисовал и Туган-Барановский. «Представим себе,—писал он,—что роль акционерных компаний в связи с соединением их в союзы, картели и тресты поведет к полному исчезновению единичных капиталистических предприятий и объединению всего капиталистического производства в одно планомерно организованное колоссальное, национальное предприятие». М. П. Туган-Барановский, «Современный социализм в своем историческом развитии», 1906 г., стр. 7.

³) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», «Московский Рабочий», 1927 г., стр. 133.

⁴) Маркс, «К критике политической экономии», Гиз, 1929 г., стр. 30.

⁵) Ленин, «О лозунге Соединенных Штатов Европы», Собр. соч., 2-ое изд., т. XVIII, стр. 232.

¹) Ленин, Грядущая катастрофа и как с ней бороться, т. XIV, ч. II, стр. 209.

²) Ленин, «Империализм», т. XIV (изд. 2-ое), стр. 168.

³) Ленин, Крах II Интернационала. Собр. соч., т. XIII, стр. 152.

⁴) Гильфердинг, Финансовый капитал. Петроград, 1918 г., стр. 346.

тическую картину развития мирового капитализма даже за последний период, мы нигде не увидим полного замирания конкуренции, ни внутри капиталистических стран, ни на мировом рынке. Современные монополии лишь модифицировали формы конкуренции, но не смогли их уничтожить. В основном новейшие формы конкуренции сводятся:

1. К борьбе капиталистических предприятий внутри картелей. На эту форму конкуренции в свое время указывал и Гильфердинг. В новейшее время это обстоятельство особенно подчеркивал Шмаленбах¹⁾.

2. К борьбе между отдельными монополистическими предприятиями в одной и той же отрасли между собой. В этом отношении характерна, например, борьба между крупнейшими гигантами американской автомобильной промышленности: Фордом и Дженерал Моторс.

3. Конкуренция между трестами и картелями, с одной стороны, и «аутсайдерами», — с другой. Как ни затруднено возникновение новых конкурирующих предприятий, высокие монопольные цены, в конечном счете, всегда вызывают появление конкуренции. В настоящее время чаще всего конкурентами выступают не вновь создаваемые предприятия, а другие существующие тресты, организующие у себя новые виды производства для конкуренции с трестами, занимающими до этого времени монопольное положение в производстве того или другого товара.

4. Борьба между монополистическими трестами, производящими заменимые товары. Например: конкуренция между производителями искусственного и натурального шелка, борьба между синтетическим азотом и чилийской селитрой и т. д.

5. Борьба между монополистическими объединениями за бюджет потребителя. Известно, что в новейшее время этот вид конкуренции достигает огромной остроты. Ведь для того или другого треста чрезвычайно важно, чтобы потребитель имеющийся у него сбережения истратил на покупку изделий именно данного треста (например, купил бы радиоприемник у Радиотреста, а не граммофон у Граммофонного треста).

Намеченными формами далеко не исчерпываются современные формы конкуренции. Конкретный фактический материал для иллюстрации вышеупомянутого положения можно было бы привести в изобилии²⁾.

Из всей вообще правильной оценки Коминтерном «третьего периода», неизбежно должно следовать не замирание конкуренции, а ее обострение. Что является самым характерным для «третьего периода»? Это рост диспропорции между производством и покупательной способностью рынка. Этот рост диспропорции, безусловно, вызывает обострение борьбы за потребителя как на внутреннем, так и на внешнем рынке и, следовательно, к бешеному усилению конкуренции между производителями. Вот почему оценка современного этапа стабилизации абсолютно несовместима с представлением о замирании конкуренции в той или иной форме.

¹⁾ См. его статью «Скованный капитализм» в сборнике «Буржуазные ученые о закате капитализма», Гиз, 1929 г.

²⁾ Например директор одного крупного американского банка указывает на пять видов новой конкуренции: 1) «вертикальная» конкуренция — между фабрикантами и оптовиками, оптовиками и розничниками и т. п.; 2) одни отрасли промышленности конкурируют с другими с целью не допускать товаров, могущих заменить друг друга; 3) конкуренция одной отрасли промышленности со всеми другими в целях получения наибольшей доли дохода и использования сокращающейся покупательной способности населения; 4) конкуренция одной местности с другой, охватывающая города, штаты и целые области; и 5) резкое обострение международной конкуренции. (Чез и Ф. Шлинк, Как расстрачиваются деньги потребителя, Гиз, 1926 г., стр. 30—41).

IV.

Теория «организованного» капитализма затухивает самое центральное в ленинской концепции империализма: то, что монополистический капитализм есть «загнивающий, умирающий капитализм». Если капитализм все время поднимается на более высокую ступень развития, если он способен преодолеть внутри ли одной страны или в мировом масштабе свойственную ему анархию производства и ввести плановость, если буржуазия в состоянии создать организованное хозяйство, то из этого неизбежно должно следовать, что в современном капитализме заложено еще много прогрессивных элементов, что неизбежен еще длительный подъем капитализма. Вот почему идеи организованного капитализма должны были родиться у тех, кто чрезвычайно оптимистично смотрит на будущее послевоенного капитализма, видя в нем лишь наличие технического прогресса, считая, что капитализм переживает чуть ли не «вторую промышленную революцию». И если от грубых социал-демократических апологетов капитализма перейти к правым в Коминтерне, то и здесь имеется ясная логическая связь между переоценкой организованности капитализма и неправильными взглядами на теперешнюю стабилизацию, «как крепкую и крепнущую». Из переоценки успехов капиталистического хозяйства вытекает и теория возможности мирного вращивания капитализма в социализм. Раз капитализм уничтожил главные свои собственные ему противоречия, следовательно, принципиально это уже не капитализм, это уже есть некий переходный этап, этап к социализму. Эти теории, конечно, ничего общего не имеют с ленинским пониманием империализма, как последнего этапа капитализма. Монополии действительно создают все предпосылки для социалистического строя, но для того, чтобы эти предпосылки могли найти свое осуществление, капитализм, как таковой, должен быть взорван и уничтожен.

Из слишком оптимистической оценки мощи и организованности современного капитализма также неизбежно должны вытекать пессимистические взгляды в отношении возможности и условий революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах. Понятно, поэтому, что среди оппортунистов укоренилось мнение о том, что современные классовые бои носят оборонительный, чисто экономический характер. При этом, если придерживаться буквально точки зрения тов. Бухарина о том, что в настоящее время «проблема соотношения классов и классовой борьбы является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке», то тогда создаются весьма пессимистические перспективы для социальной революции без наличия военного столкновения, без войны между империалистами. Недаром в этом вопросе тов. Бухарин перегибал значение военных столкновений для наступления социальной революции. Между тем, известно, что Ленин считал, что для революции не только не абсолютно необходима война, но «социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но из-за любого политического кризиса»¹⁾.

Но, как мы уже подчеркивали выше, постановка вопроса тов. Бухариным об организации капитализма внутри отдельных капиталистических стран, неизбежно тянет к теории о возможности и дальнейшей организации капитализма и в мировом масштабе. Это по существу ведет к перспективе возможности еще дальнейшего беспредельного развития капитализма и отрицанию на ближайший период для рабочего класса революционных перспектив. Поэтому, мы должны категорически отвергнуть всякую, в какой бы то ни было форме, постановку вопроса об организованном капитализме, как концепции, не имеющей ничего общего, не совместимой с ленинской теорией монополистического капитализма, как эпохи социалистической революции.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., (2-ое изд.), т. XIX.